

САМУИЛЬ И САУЛЬ ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ¹⁾.

На рубежѣ двухъ преимущественнѣйше важныхъ и поучительныхъ эпохъ въ исторической жизни Израиля, изъ коихъ одна была завершеніемъ развитія 12 колѣнъ Израильскихъ въ теократически - стройный и жизнеспособный народъ, а другая—являлась какъ бы дополненіемъ этого завершения чрезъ измѣненіе строго-теократическаго строя въ теократическо-монархическій, — на рубежѣ этихъ эпохъ выдѣляются и привлекають все наше вниманіе двѣ—въ высшей степени характерныхъ и знаменательныхъ личности: съ одной стороны — Самуилъ, въ величественномъ образѣ убѣленнаго сѣдинами свыше вдохновенной мудрости старца, тишя строгаго теократа, вѣрнаго своей идеѣ настолько, что вся жизнь его была однимъ сплошнымъ подвигомъ служенія теократизму; съ другой — Саулъ, не менѣе тишячный представитель въ другой области,—монархизма, въ превратномъ антитеократическомъ пониманіи этого слова. Уже изъ самой этой, по необходимости общей, характеристики обоихъ названныхъ дѣятелей достаточно преднамѣчается необыкновенный интересъ ихъ взаимныхъ отношеній, усугубляющийся недостаточною ясностію и отчетливостію обычнаго представленія этихъ отношеній, не только въ нашей, но и западной, библейско-исторической литературѣ.

Въ библейскомъ повѣствованіи о Саулѣ и Самуилѣ, которое не вижу надобности подробно напоминать собранію мо-

¹⁾ Пробная лекція по кафедрѣ библейской исторіи, читанная въ собраніи Совѣта Московской Духовной Академіи 4-го Сентября 1900 г.

ихъ высоко-просвѣщенныхъ слушателей, безъ особеннаго труда и съ большою естественностію разграничивается (рѣзкою чертою) двоякій характеръ ихъ взаимныхъ отношеній, опредѣляемый двумя періодами въ исторіи царствованія перваго Царя Израильскаго. — Въ точкѣ скрещенія обоихъ періодовъ и въ качествѣ поворотнаго событія, раздѣляющаго царствованіе Саула на двѣ половины, выступаетъ нарушеніе Сауломъ нарочитаго повелѣнія Божія о поголовномъ истребленіи Амалика, при чемъ Саулъ — по тщеславнымъ ли, или другимъ какимъ цѣлямъ—сохранилъ лучшее изъ военной добычи и самого Амаликитскаго царя—Агага.

Взаимныя отношенія Самуила и Саула, —которыя вообще должно разсматривать подъ точкою зрѣнія теократическихъ убѣжденій и полномочій Самуила съ одной стороны, и подъ точкою зрѣнія поведения Саула, какъ теократическаго царя Израилева съ другой,—до означеннаго поворотнаго момента въ царствованіи Саула, — носили печать благороднѣйшей честности и благоразумнѣйшей корректности со стороны Самуила въ отношеніи къ Саулу, и печать истинно-царственной скромности, довѣрія и уваженія со стороны Саула въ отношеніи къ Самуилу, — носили печать искренне-гѣсной дружбы Пророка съ Царемъ, при чемъ первый былъ для второго не только Пророкомъ во всемъ обаяніи пророческаго авторитета, Вѣстникомъ воли Божіей, но и нѣжно-любящимъ руководителемъ-отцомъ, равно какъ и второй, въ свою очередь, былъ для перваго и благоговѣнно-послушнымъ, и любящимъ, не менѣе чѣмъ любимымъ, сыномъ!..

Одно обстоятельство можетъ навѣвать здѣсь маленькія затрудненія удовлетвориться сказаннымъ. Въ исторіи избранія перваго царя Израильскаго, — избранія, которое собственно и было завязкою всѣхъ отношеній Самуила и Саула, дотолѣ, какъ не безъ основанія полагають, совершенно неизвѣстныхъ другъ другу, читаемъ: *„И собрались все старѣйшины Израиля, и пришли къ Самуилу, въ Рама, и сказали ему: вотъ ты состарѣлся, а сыновья твои не ходятъ путями твоими: итакъ, поставь надъ нами царя, чтобы онъ судилъ насъ, какъ у прочихъ народовъ. И не понравилось слово сіе Самуилу“*, и т. д. (I Цар. VIII, 4—6).

Не понравилось слово сіе Самуилу!?.. Я думаю, нѣтъ особенной надобности доказывать и здѣсь, что не какіе либо личные раз-

счета и эгоистическія соображенія дѣлали столь отталкивающе неуютною въ очахъ Самуила предъявленную къ нему просьбу отъ лица всего Израиля! Тотъ, Который весь пламенѣлъ столь живою ревностію о благѣ родного народа и о славѣ имени Іеговы,—Тотъ, который впоследствии, отдавая отчетъ въ своихъ полномочіяхъ, при передачѣ ихъ новопоставленному Царю Израилеву, предъ лицомъ всего Израиля, имѣлъ смѣлость, а слѣдовательно—и всѣ основанія торжественно засвидѣтельствовать свое полное безкорыстіе и справедливость, при единогласныхъ завѣреніяхъ многочисленнаго народа, — не могъ, безъ сомнѣнія, ставить выше справедливости и голоса здраваго убѣжденія какія бы то ни было личныя выгоды! —Для насъ гораздо важнѣе и ждетъ нашего разрѣшенія прежде всего вопросъ, отразилась ли, и насколько именно, истинная причина сопротивленія Самуила народной волѣ, то есть его здравыя, строго-теократическія убѣжденія, на послѣдующихъ отношеніяхъ къ Саулу? какъ они, далѣе, отражались на этихъ отношеніяхъ въ первый періодъ его царствования, и какъ во второй?..

Истинная и единственная причина, по которой пророкъ Божій и Судія Израиля такъ неблагоосклонно отнесся уже къ самому народному требованію о поставленіи царя, заключается, какъ мы упомянули, въ строго-теократическихъ убѣжденіяхъ Самуила, достаточно уясняющихъ и всѣ тѣ отношенія, въ какія онъ впоследствии становился къ Саулу. Уже одно то, что эти убѣжденія носили отпечатокъ не единично-личной умственной ограниченно-человѣческой работы, не имѣющей никогда такого обще-обязательнаго для всѣхъ значенія, а были, напротивъ, совершенно осмысленнымъ результатомъ хорошо выношеннаго въ душѣ откровенія Іеговы избранному народу, не въ буквѣ и въ формѣ этого откровенія, а въ самомъ духѣ его и жизни,—были результатомъ, имѣвшимъ малопринудительное значеніе развѣ только для лицъ невѣняемыхъ и недостаточно понимающихъ и цѣнящихъ непосредственную принадлежность Израиля своему Іеговѣ, — результатомъ, въ примѣненіи котораго Самуиль являлся выразителемъ потаенныхъ завѣтныхъ думъ и убѣжденій всякаго истиннаго и сколько-нибудь просвѣщеннаго въ надлежащемъ пониманіи своего назначенія Израильянина:—одно уже это вполне оправдываетъ предъ

нами Самуила и за его оппозицію народному увлеченію, и за его, на первый взглядъ, излишне-упорныя и строптивыя отношенія къ Сауду, во второй періодъ его царствованія. И не только оправдываетъ, но и выдвигаетъ величественный образъ Самуила цѣлою головою выше всѣхъ его современниковъ и сородичей, давая ему въ то же время вполне заслуженное право на имя замѣчательнѣйшаго и важнѣйшаго Ветхозавѣтнаго Дѣятеля.

Въ чемъ же состояла сущность теократическихъ убѣжденій Самуила и вообще теократическаго принципа, доживавшаго, и по мысли пророка, и по самой идеѣ народа Божія, — лежать въ основѣ всего строя и жизни послѣдняго?

Окончательный и совершенный идеаль теократическаго цѣлаго, и его начальный первообразъ мыслится въ полномъ внутреннемъ сочетаніи челоѣчества съ Божествомъ, — во всеобщемъ царскомъ священствѣ. По сколько каждый челоѣкъ (по самой идеѣ созданія своего) предназначается для непосредственнаго общенія съ Божествомъ, онъ есть священникъ, а возвышаясь въ способности управленія собою, своею низшею природою и природою внѣшняго міра, онъ есть и долженъ быть царь. Въ примѣненіи этого принципа къ цѣлому народу и, въ частности, къ избранному народу Божію, послѣдній призывался быть въ особенномъ и строжайшемъ смыслѣ народомъ Іеговы, неотдѣлимымъ отъ своего Верховнаго Вождя никакимъ видимымъ посредникомъ, — народомъ, владѣющимъ надъ всѣми остальными народами — не выдающеюся силою внѣшняго могущества, но всепобѣждающею высотой нравственнаго совершенства. Первая уступка и смягченіе этого оказавшагося слишкомъ возвышеннымъ для челоѣческой дѣятельности идеала имѣла мѣсто при той самой горѣ Божіей, при которой состоялось и посвященіе Израиля въ народъ Божій. Народъ убѣдился здѣсь въ своемъ общечелоѣческомъ несовершенствѣ для непосредственнаго воспріятія Открывавшагося Божества и вынужденъ былъ поставить между собою и Богомъ посредниками Моисея и Аарона. Впрочемъ введеніе этого посредничества не было еще рѣзкимъ нарушеніемъ теократическаго идеала Бога—Израильскихъ отношеній. Ни Моисей, ни Ааронъ не отдѣляли народъ отъ Бога, поскольку ихъ

жизнь и служеніе принадлежали всецѣло съ одной стороны Богу, съ другой—народу. Не то видимъ мы во второй уступкѣ теократизма Израильской ограниченности,—въ особенности въ той формѣ, въ какой этой уступки требовали черезъ Самуила старѣйшины. Здѣсь введеніе царскаго правленія ставится прямо внѣ самоопредѣляющагося Божественнаго уполномоченія и съ цѣлями, не имѣвшими почти ничего общаго съ цѣлями теократіи: „поставь надъ нами царя..., какъ у прочіея народовъ“.... „долженъ быть царь надъ нами, и будемъ мы такъ же, какъ всея народы“ (1 Ц. VIII, 5. 19, 20) вотъ вся сущность и мотивировка просьбы народной о назначеніи Царя. Обратимъ вниманіе здѣсь на знаменательное соответствіе самой формулы грѣхопожеланія -- въ исторіи паденія прародителей и въ настоящей исторіи паденія избраннаго народа Божія. Тамъ — прародители увлекаются и отторгаются Своего Создателя чрезмѣрно-горделивымъ самовозношеніемъ: „будете, какъ боги!“ Здѣсь цѣлый народъ отрѣшается Своего Іеговы въ сущности чрезмѣрно унижительнымъ самоуничженіемъ: „будемъ, какъ всея народы!“ И какъ тамъ прародители, такъ здѣсь этотъ народъ добровольно обрекаетъ себя на жизнь, полную горькаго опыта, удостоверяющаго, что только тамъ истинная жизнь, гдѣ всецѣлое подчиненіе своей воли—волѣ высшей Божественной! Этой послѣдней, т. е. Божественной волѣ отнюдь не противно было, конечно, исканіе человѣкомъ высшаго совершенства, и видимое олицетвореніе Божественнаго попеченія надъ нимъ и власти. Но—въ первомъ случаѣ, горделивое „будете какъ боги!“ — должно было само собою, а не по человѣческому давленію, придти въ формѣ заповѣднаго: „будьте совершенны, какъ Отецъ Небесный!“ Во второмъ — измѣнническое „будемъ, какъ всея народы!“—забывало, что въ величайшемъ олицетвореніи Божественнаго обладанія человѣкомъ,—въ царствѣ Обѣтованнаго Царя Славы, Израиль предназначался быть „первенцемъ“ среди всѣхъ остальныхъ народовъ!...

Грустный фактъ грѣхопаденія народнаго совершился!... Отступленіе отъ строго-теократическаго идеала было попущено... Съ тѣмъ вмѣстѣ являлась неизбѣжность попустити и соответствующее вторженіе въ жизнь Израиля антитеократическихъ и разрушительныхъ стихій, доведшихъ впо-

слѣдствіи до полного истощенія его могучіи организмъ... Но Промыслительная о судьбахъ человѣческихъ Десница Божія оказалась себѣ вѣрною и здѣсь, употребивъ достаточно средствъ исправить поущенное зло и направлять его къ благимъ послѣдствіямъ, въ какой только мѣрѣ это было возможно, (безъ нарушенія основного принципа Богочеловѣческихъ отношеній — свободнаго самоопредѣленія чело-вѣка къ добру). Царская власть, являвшаяся въ пожеланіи Израиля грѣховною враждою на Бога, исполнѣ заслуживавшею и порицанія Иеговы и неудовольствія Самуила, дается ему въ формѣ, возможно согласной съ теократическимъ принципомъ. Въ добровольномъ послушаніи высшему авторитету, во всецѣломъ служеніи цѣлямъ дѣла Божія, Царь является „*мужемъ по сердцу Божію*“, прообразомъ Единаго Истиннаго Царя-Мессіи, какъ это засвидѣтельствовано въ Давидѣ, и какъ должно было проявляться на каждомъ истинномъ Царѣ Израильскомъ.

Неспособность къ идеальной теократіи, обнаружившаяся въ качествѣ неустранимаго факта, и вызванная этимъ, и во всякомъ случаѣ, условная въ историческомъ развитіи теократіи необходимость выдѣленія верховной мірской власти, нужной лишь ради человѣческаго несовершенства въ народѣ Божіемъ ¹⁾, довершили относительное развѣнчаніе народа въ непосредственно-высшихъ его преимуществахъ. Предназначенный быть непосредственнымъ пророкомъ и посредникомъ откровенія Божественнаго Существа для всѣхъ другихъ народовъ, онъ самъ оказался въ нуждѣ такихъ посредниковъ, ставъ въ зависимость отъ ихъ посредничества почти не менѣ остальныхъ народовъ. Ему были даны пророки; самъ онъ теоретически болѣе не пророкъ! Предназначенный къ преимущественному общенію съ Божественнымъ Существомъ и быть посредникомъ подобнаго же общенія для всѣхъ другихъ народовъ, онъ и для себя сознался въ нуждѣ посредниковъ въ этомъ отношеніи, удалившись, такимъ образомъ, еще на одну ступень отъ Бога и на одну же переставъ возвышаться надъ другими народами. Ему были даны священники; самъ онъ теоретически болѣе не священникъ! Наконецъ, предназначенный къ первенствованію въ граду-

¹⁾ В. Соловьевъ, Исторія и будущность теократіи, 283 стр. и д.

ицемъ идеальномъ царствѣ Божіемъ и быть посредникомъ вступленія въ него всѣхъ остальныхъ племенъ земныхъ, онъ мѣняетъ теперь и это первенство на чечевичную похлѣбку свѣтскаго блеска, ничѣмъ не желая отличаться отъ тѣхъ, для кого надлежало быть идеаломъ не отличаться отъ нихъ. Ему были даны цари; самъ онъ теоретически болѣе не пророкъ, не священникъ, не царь!...

Отлившись въ обычную форму земного царства, Израиль не пересталъ, однако, быть непосредственнымъ удѣломъ Іеговы. Его цари по своей идеѣ не должны были выступать самодержавными распорядителями Его судьбъ. Явившись и по времени выдѣленія позднѣе пророческаго и священническаго служенія, царское служеніе и по полномочіямъ своимъ занимало относительно-низшее мѣсто среди нихъ. Основное положеніе всей исторіи Израйля, что царь долженъ былъ царствовать въ согласіи со стражами его—пророками, какъ ближайшими вѣстниками воли Божіей. Малѣйшее нарушеніе этой воли выводило свѣтскую власть за границы ея правъ и вносило губительный разладъ между царскою и пророческою силами, предназначенными идти въ охраненіи правъ, закона и независимости народа рука объ руку ¹⁾. Въ этомъ положеніи основной ключъ къ уясненію всѣхъ отношеній, въ какихъ стояли между собою первый Царь Израильскій и современный Ему пророкъ.

Итакъ, царь избранъ.... Этому не помѣшало ни сопротивленіе Самуила, ни порицаніе Іеговы. Мало того: учрежденіе царской власти трактуется, какъ благо, и дѣйствительнѣйшее средство спасенія народа Божія отъ опасностей, угрожавшихъ его національно-религіозному бытію. Безъ сомнѣнія, таково оно и было съ точки зрѣнія не идеальной, а реальной дѣйственности. Какъ истинный пророкъ Божій, Самуиль, безъ сомнѣнія, достаточно хорошо различалъ то и другое, и достаточно въ состояніи былъ правильно самоопредѣлить свои отношенія къ Богоуказанному царю. Недавно столь нетерпимый къ самой мысли о царѣ,—пророкъ съ почтеніемъ, подобающимъ Божію Помазаннику, и въ то же время съ нѣжно-отеческою любовію, какъ-бы къ своему, духовно родному, сыну, привѣтствуетъ избраннаго Царя.

¹⁾ Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige, I, 168 и д.

руководя его первыми же шагами на нелегкомъ поприщѣ. И это не по требованіямъ какихъ-либо внѣшнихъ приличій, а гораздо болѣе по тѣснѣйшему внутреннему союзу двухъ сердецъ, загорѣвшихся ревностію служенія одной и той же теократической идеѣ. „И взявъ Самуилъ сосудъ съ елеемъ, и вылилъ на голову его (Саула), и поцѣловалъ его, и сказалъ: вотъ Господь помазываетъ Тебя въ правители наследія Своего!“... (I Ц. X, 1). Что можно сказать, ради одной этой трогательной сцены, о первоначальныхъ отношеніяхъ Самуила къ Саулу, кромѣ того, что они были вполне достойны перваго и преисполнены громадной духовно-живительной силы для втораго?! Библия не приводитъ намъ другихъ, подобныхъ по убѣдительности, примѣровъ почтительности и чистоты отеческой нѣжности пророка къ царю; тѣмъ не менѣе это нисколько не препятствуетъ признать съ очевидностію неизмѣнность взаимныхъ отношеній ихъ во весь первый періодъ Саулова царствованія...

Болѣе труденъ и менѣе ясенъ въ своей непосредственности для насъ другой болѣе важный вопросъ о томъ, въ какомъ взаимно-отношеніи должны были находиться и находились собственно полномочія Самуила, какъ пророка, къ новымъ полномочіямъ Саула, какъ перваго Царя?

Мы упомянули уже, что, по основному положенію всей исторіи Израіля, царь долженъ былъ царствовать въ согласіи со стражами его—пророками, вѣстниками воли Божіей и, въ зависимости отъ этого согласія, обезмечивать или нарушать устойчивость и плодотворность своего служенія. Вематриваясь вообще во взаимоотношенія Самуила и Саула подъ точкою зрѣнія приведеннаго основоположенія, легко установить общій характеръ этихъ взаимоотношеній, какъ въ первый, такъ и во второй періодъ Саулова царствованія. Въ первомъ случаѣ, дѣятельность Самуила, какъ пророка, во взаимоотношеніи къ дѣятельности Саула, какъ царя, сводилась къ *содѣйствію* стремленіямъ царя, направлявшимся прежде всего къ обезпеченію внѣшняго благополучія Израіля,—благополучія, обуславливавшаго въ извѣстной мѣрѣ успѣхи и внутренняго его преуспѣванія, лежавшаго на прямой заботѣ пророка. Не погрѣшимъ, если скажемъ, что въ той мѣрѣ, въ какой пророкъ содѣйствовать своею нравственною силою и большею близостію къ Богу многосложнымъ и

труднымъ обязанностямъ царя, и самому пророку царское служеніе было не малымъ содѣйствіемъ въ достиженіи успѣховъ непосредственно пророческаго служенія. Во второмъ случаѣ, когда царь обнаружилъ попытку независимаго самоопредѣленія въ своихъ высшихъ полномочіяхъ, роль Самуила при этой ненормальности должна была измѣниться въ *противодѣйствіе* ей, и въ дѣятельно-грозное ополченіе за права и цѣли Іеговы.

Исторія и частнѣйшій характеръ перваго рода взаимоотношеній Самуила и Саула, имѣвшихъ мѣсто въ первый періодъ царствованія послѣдняго, не представляютъ особенно обширнаго поля для недоразумѣній и неправомыслія. Въ торжественномъ собраніи народа въ Галгалахъ, состоявшемся по приглашенію самого Самуила (I Ц. XI, 14), запечатлѣвшемъ всенародное признаніе Царемъ Саула и блестяще отпразднованномъ „*предъ Господомъ*“ мирными жертвами, Самуиль заповѣдуетъ народу съ его царемъ неизмѣнную вѣрность Іеговѣ, и подъ этимъ условіемъ обѣщаетъ ему прежнее покровительство и руководительство Божіе. Отъ себя пророкъ даритъ народу также великій даръ всегдашняго молитвеннаго ходатайства за него предъ Богомъ и готовность съ прежнею ревностію служить ему, чѣмъ только можетъ. „*(И я также) не допущу себя грѣха предъ Господомъ*, говоритъ онъ, *чтобы перестать молиться за васъ, и буду наставлять васъ на путь добрый и прямой*“ (I Ц. XII, 23). Само собою слѣдуетъ, что Саулъ съ его высшими полномочіями не только не исключался изъ сферы вліянія пророка, но и прежде всего мыслился въ этой сферѣ, какъ удобнѣйшее орудіе вліянія и на весь народъ, въ его цѣломъ. Очевиднымъ знакомъ этой подвѣдомственности Саула доброму и широкому вліянію Самуила была уже данная ему заповѣдь, въ силу которой царь, по прибытіи въ Галгалъ прежде пророка для принесенія всесожженій и мирныхъ жертвъ, долженъ былъ ждать даже 7 дней, „*доколя*, говоритъ Самуиль, *я не прииду къ Тебѣ и тогда уряжу тебѣ, что тебѣ дѣлать!*“ (I Ц. X, 8). А что Саулъ не недорожилъ и не несознавалъ всей важности для себя опоры на пророка, яено видно изъ его энергичнаго призыва на Филистимскую войну: „*такъ будетъ поступлено съ воими того, кто не пойдетъ въ слѣдъ Саула и Самуила!*“— послалъ объявить онъ во все предѣлы Израильскіе, раз-

сылая куски своихъ изрубленныхъ воловъ. „И началъ стрѣль Господеи на народъ, и въступили все, какъ одинъ человекъ“ (I Ц. XI, 7).

Мы не знаемъ, каковы собственно были результаты.—безъ сомнѣнiя, небезплоднаго и широкаго влiянiя Самуила на Саула, до ихъ разрыва; намъ извѣстно лишь, каковы были результаты постепеннаго и совершеннаго выхода Саула изъ подъ дѣйственаго влiянiя на него пророка.... Результаты эти, какъ показываетъ исторiя второго перiода Саулова царствованiя, были прямо пагубны для послѣдняго.

Спрашивается теперь, какiя именно взаимоотношенiя Самуила и Саула дали эти печальные результаты?

Прежде чѣмъ дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы не должны оставить безъ вниманiя два заблужденiя нѣкоторыхъ историковъ относительно разрыва, послѣдовавшаго между Самуиломъ и Сауломъ. Первое изъ этихъ заблужденiй относитъ вину и все печальныя послѣдствiя разрыва исключительно на счетъ Самуила. Саулъ былъ яко бы неизбежною жертвою iерархическаго честолюбiя и зависти Самуила. Слишкомъ недостаточна мотивировка дѣйствиi послѣдняго и слишкомъ очевидно его самонравное упорство, чтобы удовлетворяться имъ, какъ законнымъ по отношенiю къ Сауду. Ставятъ на видъ, при этомъ, и самое избранiе Саула изъ маленькаго и ослабѣвшаго колѣна Венiаминова, позволявшее Самуилу въ своихъ интересахъ преобладать надъ царемъ. Находятъ умѣстнымъ, наконецъ, примѣнить и сюда различныя системы политическо-церковныхъ симпатiй и антипатiй новаго времени, видя въ Самуилѣ представителя церковнаго священства, а въ Саулѣ—свѣтскаго царства, и въ ихъ отношенiяхъ своего рода прецедентъ драмы, разыгравшейся между папою Григорiемъ VII и императоромъ Генрихомъ IV¹⁾.

Нѣтъ надобности входить во все подробности разбора подобныхъ наивныхъ утвержденiй, изобличающихъ полное непониманiе истинныхъ основъ Израильскаго быта. Надлежаще обстоятельное представление дѣла, которое мы попытаемся дать нѣсколько ниже, само собою разоблачитъ нелѣпность

1) Срв. Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. I. 176 и д.

этихъ утвержденій. Здѣсь пока достаточно замѣтить, что прежде всего колѣно Веніаминово вовсе не было, какъ ложно выводять изъ словъ Саула (I Ц. IX, 21), однимъ изъ самыхъ слабыхъ и захудалыхъ колѣвъ Израилевыхъ. Малочисленность его, на которую ссылается Саулъ, не мѣшала ему быть наиболѣе воинственнымъ среди другихъ колѣвъ; не надо забывать также, что отечественный городъ Саула,— Гива, былъ однимъ изъ священныхъ мѣстъ, гдѣ жили пророки, и гдѣ, такимъ образомъ, воспріимчивый юноша легко могъ привыкнуть въ урокахъ и стремленіяхъ высшей жизни,— быть героемъ и духа ¹⁾. Наконецъ, знаменательно и то обстоятельство, что Библейское описаніе дѣятельности Саула вовсе чуждо той тенденціозной односторонности, которая бы давала право подозрѣвать Самуила въ излишнихъ предубѣжденіяхъ противъ Саула. Писаніе, напротивъ, нигдѣ не упускаетъ случая отмѣчать блестяще добрыя дѣла и свойства царя (см. особ. I Ц. XIV, 47), и приводитъ другія, въ томъ числѣ наиболѣе недостойное изъ нихъ, каково жестокое избіеніе Гаваонитянъ, (II Ц. XI, 1 и д.) лишь позднѣе и даже въ совершенно другой связи.

Другое заблужденіе относительно истинныхъ причинъ и смысла разрыва Самуила съ Сауломъ представляетъ противоположную крайность въ разсужденіи намѣреній и дѣйствій Саула. Изображаютъ его какъ человѣка, пытавшагося чрезъ достигнутую имъ силу устроить и владѣть всѣмъ по собственной неограниченной волѣ, безъ должной опоры на основоположеніяхъ Моисеева государства и очевидной волѣ Бога. Первосвященство и священство (I Пар. XIII. 3) презиралъ онъ настолько, что подъ конецъ своей жизни не постѣснился вступить въ смертельную борьбу съ первосвященнической фамліей, попытавшись искоренить и самое достоинство первосвященника (I Ц. 22). „Кто знаетъ, восклицаетъ Bertheau, уже не было ли опасности, что деспотизмъ царя и громадная военная сила, которою онъ повелѣвалъ, истребятъ всѣ священные институціи общества, что свободная жизнь будетъ поглощена въ низкомъ произволѣ отдѣльнаго человѣка, если бы не величественный достойный благоговѣнія—образъ Самуила, если бы его крѣпкое огражденіе, его (на-

¹⁾ Срв. Ewald, Geschichte des Volkes Israel. Göttingen. 1843 г. II, 497 стр.

дежное всегда славно) рѣшительное вмѣшательство не поддержало съ такою силою драгоценныхъ благъ Моисеева государства, и не защитило ихъ отъ наступательныхъ притязаній Саула¹⁾.

Подобное пониманіе, какъ замѣчаетъ справедливо Eisenlohr²⁾, въ своей цѣлой рѣзкости уже само по себѣ носитъ характеръ неисторичности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло бы Сауду, всё бытіе котораго коренилось еще въ его времени, всецѣло поглощенное въ жизни его народа,—могло придти на мысль (да и какъ можно было надѣяться это осуществить?)—разрушить всю многовѣковую основу общественно-Израильскаго быта, чрезъ испроверженіе теократіи и уничтоженіе первосвященства? Несостоятельность подобнаго утвержденія очевидна сама собою, въ особенности если принять во вниманіе необычайную устойчивость и жизненность вѣковыхъ основъ жизни Израіля. Что касается собственно факта неразумно-суровой расправы Саула съ первосвященникомъ Ахимелехомъ и его сослужителями, то онъ справедливо толкуется, какъ результатъ аффективной вспышки гнѣва противъ личности. Обобщать этотъ единичный фактъ въ смыслѣ Bertheau не позволяетъ уже то краснорѣчивое свидѣтельство Писанія, что Саулъ прежде всего обладалъ достаточною религіозностію, и, между прочимъ, во дни самой ранней юности уже испыталъ сладость пророческаго озаренія. Можно сказать опредѣленно, что въ интересахъ упроченія своей царской власти онъ не только не дерзалъ прямо наступать на важнѣйшія основы теократизма, но и поступалъ скорѣе наоборотъ: воздвигалъ алтари съ отправленіемъ жертвоприношеній (I Ц. XIV, 35 и д.), ревновалъ о предостереженіи нарушеній основной теократической заповѣди (I Ц. XIV, 33 и д.), пользуясь для этой цѣли даже репрессивными мѣрами (изгнаніе волшебниковъ и гадателей изъ страны—I Ц. XVІІІ, 3, 9). Вообще, относительно всей личности Саула, особенно въ его ранній періодъ, не остается въ сомнѣніи, что это былъ не только выдающійся отважностію и талантливый вояка, но и человѣкъ вполне благород-

1) E. Bertheau, Zur Geschichte der Israeliten zwei Abhandlungen, Göttingen, 1842 г. 301 стр.

2) ibid. 178 стр.

ныхъ силъ и стремленій, какъ и подобало быть избраннику Божію, которому отдавалъ поэтому не незаслуженную справедливость и Давидъ, посвятившій ему столь трогательную траурную пѣснь (II Ц. I, 19—27),—котораго почтилъ не безъ основанія и весь народъ, оплакавшій столь единодушно трагическую гибель его и сына (ibid. и др. мѣста).

Надлежаще обстоятельнѣе представленіе дѣла при сужденіи о взаимоотношеніяхъ Самуила и Саула во второй періодъ царствованія послѣдняго, требуетъ преимущественнѣйшаго сосредоточенія нашего вниманія на двухъ событіяхъ, описанныхъ въ XIII и XV главахъ I книги царствъ. Тенденціей того и другого изъ этихъ событій служить фактъ умышленнаго нарушенія Сауломъ Божественныхъ заповѣдей, данныхъ ему чрезъ Самуила, изъ коихъ по смыслу первой царь долженъ былъ, прежде чѣмъ выступить въ походъ противъ Филлистимлянъ, ждать откровенія Божественной воли чрезъ пророка даже до 7 дней; по требованію второй, царь долженъ былъ осуществить грозное Божественное опредѣленіе о наказаніи Амалика, истребивъ „все, что у него“ отъ человѣка до скота. Въ первомъ случаѣ, царь не выдержалъ уготованнаго ему испытанія и возымѣлъ смѣлость посилъшить принесеніемъ жертвы, не дождавшись умедлившаго пророка. Во второмъ, онъ сохранилъ лучшее изъ военной добычи и пощадилъ менѣе другихъ заслуживавшаго пощады—царя Агага. Отношеніе Самуила къ этимъ нарушеніямъ Саула нельзя подводить подъ оцѣнку только обычныхъ человѣческихъ отношеній. Необходимо прежде всего имѣть въ виду здѣсь исключительное положеніе пророка при Саулѣ и взаимоотношеніе ихъ исключительныхъ полномочій, а главное—исключительное значеніе самаго факта нарушенія Сауломъ заповѣдей, чтобы избѣжать тѣхъ рѣзкихъ сужденій, которыхъ заслуживающимъ можетъ казаться пророкъ. Мы имѣемъ уже примѣры подобной крайности въ лицѣ тѣхъ комментаторовъ, которые находятъ слишкомъ маловажнымъ, напримѣръ, первый проступокъ Саула для того, чтобы онъ заслуживалъ такихъ угрозъ и суровыхъ порицаній Самуила. Дѣло представляется, однако, совсѣмъ въ другомъ видѣ, когда мы глубже вникнемъ въ самую сущность Саулова проступка. Проста и легка была заповѣдь, данная Сауду, но она, какъ подобная же по про-

стотъ и легкости заповѣль Адаму, имѣла и свои трудности и свой глубочайшій смыслъ. Она была, по прекрасному изреченію проф. Елеонскаго ¹⁾, „конкретнымъ выраженіемъ теократическихъ требованій въ отношеніи къ „Саулу“, гдѣ „требованія широкаго теократическаго принципа сведены къ единству одного опредѣленнаго правила“; она была, слѣдовательно, въ то же время прекраснымъ „средствомъ испытанія воли Саула, его вѣры и послушанія волѣ Божіей“,— тою школою, которую прошли всѣ люди, имѣвшіе предназначеніе къ служенію среди народа Израильскаго (патріархи, Моисей, Самуилъ), которая дѣлала необходимымъ и для Саула такое испытаніе—именно въ началѣ царствованія. Самое замедленіе пророка, которымъ также думаютъ извинять проступокъ Саула, имѣло здѣсь не маловажное и неслучайное значеніе: оно давало возможность болѣе полнаго обнаруженія результата испытанія, затрудняя послѣднее въ виду начинавшагося разсѣянія народа и ежеминутной возможности нападенія враговъ. Испытаніе не было выдержано Сауломъ; однако, у него не было недостатка въ средствахъ выйти побѣдителемъ: и опытъ всей предшествующей его жизни, и несомнѣнное пророческое достоинство Самуила, въ связи съ его обѣтованіями, достаточно ручались за то, что Промыслъ Іеговы всегда надъ Израилемъ, и исключали всякую нужду въ наличности внѣшнихъ свойственныхъ слабостей вѣрѣ средствъ, безъ которыхъ эта вѣра перестаетъ управлять человѣческою дѣятельностію, и самое обращеніе къ Богу принимаетъ чисто внѣшній характеръ. Таковъ смыслъ проступка Саула, показавшаго, что въ случаяхъ, требующихъ настроенности, соответствующей теократическому принципу, царь могъ быть лишь пагубнымъ примѣромъ для другихъ. Какъ обличеніе подобнаго зловѣщаго направленія и какъ необходимо нужное предупрежденіе его, строгій судъ „*стражи дому Израилева*“ надъ Сауломъ не представлять, очевидно, никакой несправедливости и чрезмѣрности. Указавъ на безразсудство поступка Саулова, состоявшее въ забвеніи дѣйствительнѣйшаго средства къ выходу изъ затруднительнаго положенія (упованіе на помощь Божію) и въ примѣненіи совсѣмъ не цѣлесообразныхъ мѣръ къ улучшенію онаго,

¹⁾ Лекц. 88, г. 47 стр. и д.

пророкъ eo ipso не видитъ возможности устоять царствованію Саула и пророческимъ окомъ своимъ предвидитъ уже избраніе царя другого, достойнѣйшаго. По произнесеніи этого обличенія, Самуиль „удалился путемъ своимъ“ отъ Саула, предоставивъ ему самому понести слѣдствія своего безразсуднаго поступка. Ближайшимъ изъ этихъ слѣдствій было, между прочимъ, крайнее увеличеніе бѣдствій страны вслѣдствіе усилившагося положенія Филистимлянъ, и т. д.

Приговоръ по дѣлу перваго грѣха Саулова не заключать рѣшительнаго намѣренія вступитъ въ законную силу. Онъ не исключаетъ возможности живого раскаянія со стороны согрѣшившаго, и прямо разсчитанъ быть на это раскаяніе. Но его, очевидно, не послѣдовало... Взамѣнъ его послѣдовало, напротивъ, новое паденіе помазанника Іеговы съ пьедестала своего высокаго достоинства, имѣвшее рѣшающее значеніе въ его судьбѣ. Онъ получаетъ отъ Верховнаго Судіи вселенной, такъ сказать, „исполнительный листъ“ на примѣрное наказаніе Амалика, къ каковому наказанію послѣдній былъ давно уже приговоренъ (Исх. XVII, 8, 14; 1 Ц. XV, 1) (Числ. XXIV, 20; Втор. XXV, 17—19) за его жестокое вѣроломство по отношенію къ странствовавшему Израилю, и вообще за постоянную смертоносную вражду къ нему (Числ. XIV, 43—45; Суд. III, 13; VII, 12; 1 Ц. XIV, 48; XV, 33). Въ высшей степени знаменательно то, какъ Самуиль, на устахъ котораго, казалось, еще не совсѣмъ смолкли недавнія грозныя обличенія, ведетъ себя при выполненіи Божественнаго порученія относительно Саула. Онъ начинаетъ свою рѣчь къ нему многозначительнымъ указаніемъ на совершенное имъ помазаніе Саула, и затѣмъ уже возвѣщаетъ ему самое Божественное повелѣніе. Ни тѣни обличенія, ни хотя какого-либо намека на прошлое!... Сауль могъ изъ всего понять самъ всю важность этого порученія ему отъ Небеснаго Правосудія,—порученія, дававшего ему столь удобный случай утвердиться въ повинновеніи вышей Волѣ, доказать свою вѣрность теократическому принципу, отъ чего зависѣло все благополучіе и его, и народа. Новое порученіе заключало въ себѣ, однако, и свои трудности, сообщавшія ему, подобно какъ въ первомъ случаѣ, характеръ мудро задуманнаго испытанія. Въ то время, какъ всѣ прежнія войны Саула съ сосѣдними народами велись по требова-

нію общественной безопасности и значительно облегчались надеждами на добычу, проектируемая война носила наступательный характер, и видимыя выгоды ея совершенно поглощались священными цѣлями войны — выполненіе надъ народомъ Божественнаго заклятія, обрекающаго его на всецѣлое безслѣдное уничтоженіе (отъ человѣка до скота). Не говоримъ уже объ исключительныхъ трудностяхъ войны для лучшихъ чувствъ человѣческаго сердца, которое при всей суровости древнихъ нравовъ и озлобленій на жестокости Амалика должно было сильно искушать исполнителей Божественнаго гнѣва глубокою жалостію къ малолѣтнимъ дѣтямъ, и пощадю хотя бы къ нимъ. Въ видахъ высшаго засвидѣтельствованія своего безкорыстнаго и безусловно самоотверженнаго послушанія волѣ своего Верховнаго Царя, Израиль долженъ былъ пожертвовать и этими чувствами и въ самой строгости и неумолимости осуществляемаго наказанія найти для себя сильнѣйшія побужденія къ избѣжанію всякаго неповиновенія Высочайшей Волѣ. Что это новое испытаніе, затѣмъ, преданности Саула Верховному Царю Израиля не превышало его силъ, ясно обнаружилось изъ того, что онъ не могъ оправдать своего новаго проступка достаточно уважительными доводами, и прибѣгаетъ къ мало убѣдительнымъ и мало дѣйствительнымъ искусственностямъ въ замаскировкѣ своихъ истинныхъ побужденій предъ Самуиломъ. Тѣмъ тяжелѣе было преступленіе Саула. Нарушеніе заповѣди было очевидное и немаловажное. *„Саулъ и народъ пощадилъ Агага и лучшихъ изъ овецъ и воловъ и откормленныхъ ягнятъ, и все хорошее, и не хотѣли истребить, а все вещи маловажныя и худыя истребили“* (I Ц. XV, 9). Принимать ли въ уваженіе высказываемыя Сауломъ въ свое оправданіе побужденія къ такому нарушенію заповѣди, и извинять ли, по крайней мѣрѣ, невмѣняемымъ недомыслиемъ его намѣреніе—угодить Богу не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало? Отвѣчающіе положительно на этотъ вопросъ имѣли бы не недостаточныя основанія заирать Самуила въ новой несправедливости по отношенію къ Сауду. Но мы имѣемъ не менѣе достаточныя основанія иначе объяснить самую суть дѣла, и оправдать воплѣтъ Божественный приговоръ и образъ дѣйствій Самуила.

Что касается прежде всего Самуила, то само Писаніе предупредительно снимаетъ съ него всякую тѣнь несправедли-

востни или чрезмѣрной суровости по отношенію къ Саулу, когда многозначительно замѣчаетъ, что Самуиль „опечалился“, выслушавъ опредѣленіе суда Божія о злополучномъ царѣ. Это не лишній разъ показываетъ также, что Самуиль, объявляя нѣкогда Саулу о предназначенной ему миссіи, былъ увѣренъ въ исполненіи Сауломъ своего порученія, что испытаніе, слѣдовательно, не было ѣвыше хорошо вѣдомыхъ пророку силъ царя, и что скорбь Самуила была естественнымъ слѣдствіемъ этой неоправдавшейся его увѣренности и сожалѣнія къ Саулу. Если такъ, то и суровость, которою растворены были послѣдующія обличенія пророка царю, отнюдь не была выраженіемъ затаеннаго недоброжелательства или излишне — гнѣвнаго отношенія къ Саулу, а служила лишь показаніемъ необычайной важности нарушенія заповѣди и пророчески пламенной ревности о посмѣянной волѣ Іеговы ¹⁾.

Опредѣленіе Божественнаго суда надъ преслушнымъ царемъ, заставившее Самуила такъ опечалиться и взывать ко Господу о возстановленіи падшаго ²⁾ цѣлую ночь, отвѣчало вполнѣ тяжести и характеру преступленія. Знаменательны слова откровенія, бывшаго Самуилу по поводу этого пре-

1) „Скорбь пророка и молитва его къ Богу о предотвращеніи того, чѣмъ была вызвана первая (т. е. скорбь), показываютъ, что осужденіе Саула не только не вышло отъ Самуила, но встрѣтило въ немъ, такъ сказать, противодѣйствіе, выразившееся въ его ходатайствѣ“. (Елеонскій).

2) „Приходитъ въ печаль Самуиль, сокрушается о гибели осужденнаго высочайшій пророкъ и всю ночь взываетъ ко Господу, уседными мольбами умоляетъ Божественное милосердіе о возстановленіи падшаго“. (Св. Григорій Великій). За такое же пониманіе смысла молитвы Самуила высказываются лучшіе новѣйшіе западные комментаторы, и между прочимъ Klostermann. Одинъ изъ нашихъ отечественныхъ библейстовъ, проф. Богородскій указываетъ предметъ молитвы Самуила въ томъ, чтобы Богъ „просвѣтилъ“ пророка относительно того „какъ нужно поступить“, и „что предпринять противъ царя“, успѣвшаго сдѣлаться сильнымъ и непослушнымъ. При такомъ пониманіи дѣла, однако, теряется должное соотвѣтствіе между мыслью молитвы и смысломъ полученнаго пророкомъ откровенія, которое, ясно выражая Божественную волю о Саулѣ, тѣмъ самымъ, очевидно, исключало всякую возможность затрудненій и невѣдѣнія пророка относительно того, что слѣдовало ему предпринять противъ непослушнаго Саула. Мысль эта прекрасно обоснована и правильное представленіе дѣла отлично установлено почтеннымъ проф. Елеонскимъ, въ его лекціяхъ 1887, 9 г. стр. 214—215.

ступленія. „И было слово Господи къ Самирилу такъ: *Ихавлю, что поставилъ Я Саула царемъ; ибо онъ отвратился отъ Меня, и слови Моего не исполнилъ*“. Свою перемену въ отношеніи къ Саулу, свое (человѣкообразно усвояемое) раскаяніе въ поставленіи его царемъ, или — что тоже — нужду грознаго рѣшительнаго суда надъ нимъ ¹⁾, Господь мотивируетъ во 1) тѣмъ, что Саулъ „*отвратился*“ отъ Него и во 2) что *не исполнилъ* Его воли“. Въ этой раздѣльности для насъ очевиднѣе глубина паденія Саулова, и яснѣе самая его сущность. Имѣя въ виду, что выраженіе „*отвратился отъ Меня*“, по словопотребленію св. Писанія, означаетъ совершенное удаленіе чело-вѣка отъ Бога, совершенную непокорность Божественнымъ установленіямъ и обѣтованіямъ ²⁾, уклоненіе въ язычество ³⁾, и вообще все противоположаемое служенію Божію (Елеонскій), мы убѣждаемся, насколько глубоко палъ Саулъ. Паденіе это частнѣе характеризуется тѣмъ, что Саулъ „*не исполнилъ Божественной воли*“, притомъ — сознательно, намѣренно, а не по ошибкѣ, могущей зависѣть отъ неясности для него всей грѣховности его дѣйствій, и не по слабости предъ сильными препятствіями къ исполненію высшей воли ⁴⁾. Каковы бы ни были побужденія ⁵⁾ къ пощадѣ Агага и лучшаго изъ добычи ⁶⁾, поступокъ его оставался все равно проступкомъ неисполненія точно выраженной воли Божіей, — существеннаго нарушенія и наказанія ея, и, какъ таковой, свидѣтель-

1) Быт. VI, 7: „И раскаялся Господь, и сказалъ Господь: истреблю съ лица земли челоѣковъ“.

2) Числ. XIV, 43.

3) Втор. VII, 4.

4) Елеонскій.

5) По мнѣнію однихъ — красота и большой ростъ, произведеніе впечатлѣніе на Саула (Флавій), по мнѣнію другихъ — надежда на большой выкупъ (Михаелисъ). — третьихъ — уваженіе Саула къ царскому сану вообще (Гессъ), — четвертыхъ — національное и собственное тщеславіе Саула, желавшаго имѣть въ плѣнномъ царѣ живой памятникъ побѣды (Богородскій и Побѣдинскій-Платоновъ). Последнее мнѣніе вѣроятнѣе: на сторону его Елеонскій, *ibid.* 218 стр.

6) Относительно побужденій къ сохраненію лучшаго изъ добычи не остается сомнѣнія, что Саулъ ложно ссылался на жертвоприношеніе. Это видно уже изъ того, что въ числѣ сохраненнаго было все хорошее, что даже не могло быть и веществомъ жертвоприношенія, напр. разные принасы и виноградники. — очевидно, сохраненные по корыстнымъ цѣлямъ.

ствовать о направленіи воли Саула, дѣлавшемъ совершенно невозможнымъ продолженіе покровительственныхъ отношеній къ нему Верховнаго Царя Израилева.

Такъ какъ грѣхъ преслушанія усугубляется грѣхомъ слабобой раскаянности и упорствующе лживаго самооправданія и лицемерія, то и Самуиль выступаетъ не только грознымъ обличителемъ перваго, но и преподаетъ суровое внушеніе Сауду и за послѣднее. Особенно сильно и заслуженно разбивается, при этомъ, попытка Саула укрыться въ нарушеніи точнаго смысла заповѣди Божіей за благовидное намѣреніе оставить часть заклатаго въ жертвоприношеніе Господу. Помимо фактической несостоятельности этого оправданія (не все оставленное было пригодно для жертвоприношенія), оно и по существу было совершенно не цѣлесообразно, такъ какъ „внѣшнему“ (жертвоприношеніе) отдавало предпочтеніе предъ „внутреннимъ“ (расположеніе сердца) и проявленія очевиднаго своеволя плохо примиряло съ беззавѣтнымъ повиновеніемъ Волѣ Божіей. Обличенія подкрѣпляются и реализуются категорическимъ, а не пророческимъ только указаніемъ, что роль Саула, какъ теократическаго царя, кончена, и что всѣ дѣйствія его съ настоящаго момента, впредь до фактическаго ихъ устраненія, будутъ дѣйствіями внѣ обязательныхъ полномочій и правъ теократин. *„За то, что ты отвергъ слово Господа, и Онъ отвергъ тебя, чтобы ты не былъ царемъ надъ Израилемъ“*. (I Ц. XV, 23). Дальнѣйшее поведение Саула только еще болѣе оправдывало этотъ строгій рѣшительный судъ надъ нимъ, произнесенный, безъ сомненія, въ предвидѣніи его несправимости и вреднаго примѣненія его силъ и полномочій. вмѣсто того, чтобы стараться утвердить свое положеніе на незыблемомъ согласіи съ Своимъ Верховнымъ Сюзереномъ, если можно такъ выразиться, и на совершенномъ повиновеніи Его волѣ,—вмѣсто того, чтобы направлять свою власть къ высшей и безусловной жизненной ея цѣли—все болѣе и болѣе совершеннѣйшему осуществленію теократическаго принципа, дѣлающаго несокрушимою эту власть, Сауль нарушилъ главное изъ условій прочности своего положенія и, поставивъ цѣлю въѣхъ своихъ стремленій самую власть—властвованіе, — ео ipso отрѣшилъ ее отъ ея высшей опоры, и покусился низвести судьбы своего теократическаго царства изъ области

непосредственно—Божественнаго вѣдѣнія и устройства въ темную область естественной борьбы силъ ¹⁾. Это было преступленіемъ и противъ Бога, и противъ Его народа,—преступленіемъ, только благодаря вмѣшательству Верховнаго Царя Израилева—оказавшимся пагубнымъ лишь для одного Саула.

Подъ неотразимо-убѣдительными доводами Вѣстника воли Божіей, Саулъ сознаетъ свой грѣхъ,—впрочемъ, еще въ неизмѣримо-далекомъ разстояніи отъ того, что дѣлаетъ такое сознаніе спасительнымъ. Онъ сознаетъ его безъ малѣйшей тѣни сокрушенія сердечнаго, и даже еще разъ, уличенный, пытается оправдать себя, придумавъ новый не менѣе изобличающій его предлогъ: „я боялся народа, и послушался голоса ихъ!“ Царь, прислушивающійся болѣе къ низкимъ петинкамъ народа, показывалъ только еще яснѣе, что онъ недостоинъ быть вождемъ народа, и что для благосостоянія своей власти онъ считаетъ единственно достаточнымъ угожденіе народу. Въ довершеніе своего изобличенія въ этомъ недостоинствѣ, онъ не хочетъ понять важнаго значенія своего грѣха, и надѣясь теперь же получить прошеніе, проситъ Самуила *доказать* это, между прочимъ, *присутствіемъ* при совершеніи жертвоприношенія. Пророкъ, конечно, отказывается, и это было не простое упорство, а вполне естественный отказъ, о необходимости котораго предупредительно позаботился самъ Саулъ. Присутствіе пророка при жертвоприношеніи, по мысли Саула, доказывало бы снятіе его грѣха, но это было уже выше всякихъ полномочій Самуила, преступивъ которія въ данномъ случаѣ онъ самъ рисковалъ повторить грѣхъ Саула. Если бы отъ пророка зависѣло сколько-нибудь это, онъ даже и не заставилъ бы долго просить себя, ибо прежде всякой просьбы Саула и при первомъ только извѣстіи о его паденіи, уже скорбѣлъ о немъ сердцемъ и „*зывалъ ко Господу цѣлую ночь*“. Безотвѣтность этой молитвы и подтвержденная, очевидно, непреложность суда Божія надъ несправимымъ царемъ и должны стоять во главѣ всѣхъ объясненій его непреклонности въ отношеніи къ Сауду. Но едва только „*обратился Самуилъ, чтобы уйти*“,—уйти съ сердцемъ, намѣревавшимся излиться еще

¹⁾ Словесевъ. Исторія и будущность теократіи стр. 294.

и еще въ слезной скорби ко Господу о павшемъ царѣ ¹⁾ (единственное, что оставалось во власти собственно Самуила), какъ Сауль допускаетъ новую недостойную выходку. Заподозривая—въ твердости Божественнаго пророка — личное нежеланіе уступить просьбѣ царя, онъ думаетъ сломить мнимое упорство его настойчивостію и пускаетъ въ дѣло грубое насиліе: „схватилъ край одежды его, и оторвалъ его“. Для оставшагося хладнокровно-серьезнымъ пророка это дало лишь удобную форму повторить прежнее непреложное Божественное опредѣленіе: „*иныхъ (такъ) отторгъ Господь царство Израильское съ тебя, и отдалъ ближнему твоему, лучшему тебя*“. А чтобы несправимый Сауль не объяснялъ и этого личнымъ дѣломъ Самуила, пророкъ дѣлаетъ усиленное подтвержденіе своихъ словъ ссылкою на неизмѣняемость Божію и на окончательное вступленіе Божественнаго приговора въ законную силу. „*Не скажетъ неправды и не раскиснетъ Вѣрный Израилевъ, ибо не человекъ Онъ, чтобы раскисаться Ему*“. (29 ст.).

Событіе, послѣдовавшее за этимъ отказомъ Самуила, производить при бѣгломъ чтеніи весьма странное впечатлѣніе. Послѣ столь рѣшительнаго сопротивленія всякимъ просьбамъ и настойчивости Саула, пророкъ вдругъ обнаруживаетъ непонятную податливость еще послѣднему усилию Саула склонить его на присутствіе при жертвоприношеніи, и слѣдуетъ за нимъ. Такъ и напрашивается, при этомъ, сомнѣніе, не служитъ ли это и въ самомъ дѣлѣ признакомъ личнаго упорства Самуила, не въ характерѣ ли людей, любящихъ быть упрашиваемыми,—поступать такъ? Это подозрѣніе, впрочемъ, разбивается тотчасъ же уже о тотъ психологическій законъ, въ силу котораго люди упорные и любящіе быть упрашиваемыми негремѣнно довели бы свое упорство до конца, послѣ того, какъ къ просьбѣ и настойчивости присоединено оскорбленіе и обида. Посему, чтобы понять столь неожиданную переменъ въ Самуилѣ, представляющую камень преткновенія для комментаторовъ, необходимо, по нашему мнѣнію, прежде всего глубже вникнуть въ формулировку второй просьбы, особенно въ сопоставленіи ея съ первой. Тамъ Сауль самъ затрудняетъ для Самуила исполне-

¹⁾ Срв. далѣе I Ц. XVI 1

не своей просьбы, требуя, чтобы это исполненіе было въ тоже время *доказательствомъ* снятія съ него грѣха, что—какъ мы видѣли—было далеко выше компетенціи и паличныхъ полномочій пророка. Здѣсь же Сауль какъ бы дѣлаетъ уступку Самуилу, выбрасывая изъ своей просьбы это условіе, и просить только, чтобы присутствіе пророка *засвидѣтельствовало* его почтеніе къ Царю въ глазахъ старѣйшинъ народа его и предъ Израилемъ ¹⁾. Понятно, такимъ образомъ, что разъ дѣло шло о священныхъ для всякаго чувствахъ почтенія къ особѣ Царя, продолжавшаго быть таковымъ хотя бы только *de facto*, да еще ради старѣйшинъ вѣрннаго царю народа и самого этого народа,—пророкъ сразу же ставитъ себя далекимъ отъ малѣйшаго подозрѣнія въ непочтеніи къ особѣ царя и чуждымъ всякаго сродства съ мятежниками противъ Богопоставленной власти. „И возвратился Самуилъ изъ Сауломъ, и поклонился Сауль Господу“ (I Ц. XV, 30 — 31). Глубоко-вдохновенная, тонко-тактичная мудрость пророка не преминула сказаться и въ данномъ случаѣ: не смотря на еще такіи новое неразуміе Саула, искавшаго почтенія даже тогда, когда, по словамъ св. Григорія Великаго, слѣдовало бы, ради покаянія, желать скорѣе безчестія, Самуилъ уступаетъ безъ всякаго дальнѣйшаго прекословія законному требованію царя, забывая всё только что происшедшее, и тѣмъ самымъ не преподаетъ ли послѣдній глубокопоучительный урокъ, что Сауль, побѣждающій сейчасъ пророка законнымъ требованіемъ почтительнаго повинненія къ царю, не уплатилъ еще болѣе законной и еще болѣе важной дани отъ Себя Верховному Царю Израилеву! Наконецъ, чтобы еще глубже внѣдрить въ сердце царя эти спасительные уроки, пророкъ употребляетъ и еще болѣе сильное средство: онъ велитъ привести къ себѣ Агага, и, обличая ошибку неповинненія царя воль Божеіей. „разрубилъ Агага предъ Господомъ въ Галгаль“. (I Ц. XV, 33).

Послѣ этого онъ удалился въ свой городъ и прекратилъ вся-

¹⁾ „И сказалъ Сауль Самуилу: согрѣшилъ я..., теперь же сними съ меня грѣхъ мой, и воротись со мною, чтобы я поклонился Господу (Богу Твоему)“ (I Ц. XV, 24—25).

„И сказалъ (Сауль): я согрѣшилъ, но почти меня вынѣ предъ старѣйшинами народа моего и предъ Израилемъ, и воротись со мною, и я поклонюсь Господу, Богу Твоему (I Ц. XV, 30).

кня пророческія отношенія къ отверженному Сауду. И это опять таки состояло отнюдь не въ волѣ и власти самого Самуила, а гораздо болѣе—вынуждалось и образомъ дѣйствій Саула. Выраженіе Писанія о послѣднемъ, что онъ также „пошелъ въ домъ свой, въ Гиву Саулову“ (I Ц. XVI; 34),—указываетъ на совершенное равнодушіе отверженнаго къ удаленію пророка, безучастіе котораго въ дѣлахъ государственныхъ только какъ нельзя болѣе отвѣчало вождѣтѣннымъ стремленіямъ царя дѣйствовать самостоятельно и безконтрольно. Что касается Самуила, то ни грозный судъ Божественный, ни оскорбительный образъ дѣйствій осужденнаго, не могли поколебать столь глубоко укоренившихся чувствъ благорасположенія и сожалѣнія къ несчастному царю. Онъ и въ тиши удаленія не переставалъ болѣть душою за Того, Кто былъ все еще дорогъ его сердцу. Пророческимъ взоромъ Своимъ онъ прозрѣвалъ ту бездну, къ которой быстро шель Саулъ, и въ безсиліи удержать послѣдняго на пагубномъ пути, молча лилъ о Номазанникѣ рукъ Своихъ горькія слезы ¹⁾. И Небесный Царь Израіля скорѣе сжалился надъ плачущимъ старцемъ, чѣмъ оплакиваемый Земной. *Доколь будешь Ты печалиться о Саулѣ, котораго Я отвергъ, чтобы онъ не былъ царемъ надъ Израілемъ? Наполни рогъ Твой елеемъ, и пойдѣ: Я пошлю Тебя къ Иессею, Вивлеемлянину, ибо между сыновьями его Я усмотрѣлъ Себѣ Царя“* (I Ц. XVI, 1) ²⁾.

¹⁾ Да устыдятся этой священной скорби и слезъ пророка дерзующіе объяснять его поведеніе гипотезами іерархическаго честолюбія и зависти пророка, и червящіе чистую душу любвеобильнаго старца подозрѣвіями его упорства и личнаго недоброжелательства въ отношеніи къ Сауду!..

²⁾ Въ высшей степени знаменателенъ отвѣтъ Самуила на это повелѣніе Іеговы: „И сказалъ Самуилъ: какъ Я пойду? Саулъ услышитъ, и убьетъ меня!“... Отсюда видно еще разъ, какъ мало способенъ былъ Самуилъ выступать въ роли прямого недоброжелателя и злонамѣреннаго противника Царя, и какъ необходимо было именно въ силу настроенія Саула, чтобы пророкъ болѣе къ нему не являлся. Отмѣтимъ также знаменательно глубокой смыслъ въ словахъ Господа о Саулѣ: „отвергъ, чтобы не былъ царемъ!“ Здѣсь видимъ мы одно изъ прекрасныхъ примѣнній непремѣннаго Божества, правила: „не воздавать сугубо за едино!“—и соблюденіе строжайшаго соответствія между совершеннымъ преступленіемъ и валагаемымъ наказаніемъ. Саулъ показалъ себя недостойнымъ

Этотъ новый избранникъ Божій и помазанникъ Самуила былъ тотъ „Мужъ по сердцу Божію“, безпредѣльная вѣра котораго и преданность Высшей Небесной Силѣ, въ связи съ пламенной ревностію о Славѣ Божіей и сердечнымъ влеченіемъ къ общенію съ Божественнымъ Существомъ сдѣлали его навѣки славнымъ средоточіемъ Израильской теократіи, Украшеніемъ Царей. Зарю Мессіи!!!

И. Петровыхъ.

быть царемъ. Богъ и отнимаетъ отъ него только то, недостойнымъ чего онъ оказался: *„отвергъ, чтобы не былъ царемъ!“* Если бы Саулъ покорился безропотво этому опредѣленію Праведнаго Суда Божія и добровольно уступилъ свое мѣсто Новому Достойнѣйшему Избраннику Давиду, онъ, какъ просто человѣкъ, сохранилъ бы за собою всё драгоцѣнное остальное, чѣмъ только человѣкъ пользуется отъ всеосвящающей благодати Божіей. Своимъ непокорнымъ противленіемъ Божественнымъ дѣйствіямъ и послѣ отверженія, Своими вызывающе-ненавистническими преслѣдованіями Новаго Помазанника Божія, въ сильномъ охраненіи котораго Десницею Божіею Саулъ неоднократно убѣждался,—онъ доказалъ себя не достойнымъ всякаго попеченія о немъ Божія, и предпочелъ погибнуть царемъ отверженнымъ, нежели ожить въ Богѣ прежнимъ простоядиномъ съ обычной надеждою на благоволеніе Божіе.